

М. В. Самарина¹, М.В. Душутин¹

Иркутский государственный университет путей сообщения, г.Иркутск, Российская Федерация

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ динамики интеграционных процессов в мировой экономике за последнее десятилетие, сочетая теоретическую рамку Б. Балассы (от РТА до полной экономической интеграции) с эмпирикой по крупнейшим региональным блокам (ЕС, АСЕАН/RCEP, USMCA, МЕРКОСУР, ЕАЭС, АфСФТА). На основе академических исследований и свежих статистических данных международных организаций (ВТО, UNCTAD, Всемирный банк и др.) выявляются противоречивые тренды: сохранение высоких объёмов мировой торговли и рост числа РТА при одновременном усилении протекционизма, «friend-shoring» и геоэкономической фрагментации. Показано, что интеграция смещается к «реглобализации»: углубляются региональные цепочки добавленной стоимости, растёт роль цифровой и «зелёной» повестки, усиливается запрос на инклюзивность правил. Региональный разбор фиксирует устойчивость ЕС (несмотря на Brexit и шоки 2020-х), ускорение внутриазиатской связанности (RCEP), модернизацию североамериканских цепочек (USMCA), институциональные и политические ограничения МЕРКОСУР и ЕАЭС, а также стратегический потенциал АфСФТА. Выделены ключевые риски (неоднородность уровней развития, инфраструктурные узкие места, внешние шоки) и сценарии развития — от углубления многосторонности до частичной фрагментации. Иллюстративные таблицы и графики подкрепляют вывод о том, что интеграция остаётся драйвером роста и устойчивости, но требует обновления институтов, цифрово-экологической гармонизации и механизмов компенсации проигрывающим секторам.

Ключевые слова: экономическая интеграция; глобализация; региональные торговые соглашения; протекционизм; реглобализация; ЕС; АСЕАН; RCEP; USMCA; МЕРКОСУР; ЕАЭС; АфСФТА.

M.V. Samarina¹, M. V. Dushutin¹¹Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation

INTEGRATION PROCESSES IN THE GLOBAL ECONOMY

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the dynamics of integration processes in the global economy over the past decade, combining B. Balassa's theoretical framework (from PTA to full economic integration) with empirical evidence from major regional blocs (EU, ASEAN/RCEP, USMCA, MERCOSUR, EAEU, AfCFTA). Based on academic research and up-to-date statistical data from international organizations (WTO, UNCTAD, World Bank, etc.), the study identifies contradictory trends: the persistence of high volumes of world trade and the growth in the number of RTAs, alongside the strengthening of protectionism, friend-shoring, and geo-economic fragmentation. The analysis shows that integration is shifting toward "reglobalization": regional value chains are deepening, the role of digital and green agendas is growing, and the demand for inclusiveness in trade rules is increasing. The regional overview highlights the resilience of the EU (despite Brexit and the shocks of the 2020s), the acceleration of intra-Asian connectivity (RCEP), the modernization of North American supply chains (USMCA), institutional and political constraints within MERCOSUR and the EAEU, as well as the strategic potential of AfCFTA. The authors outline key risks (uneven levels of development, infrastructure bottlenecks, external shocks) and possible scenarios for the future — from deeper multilateralism to partial fragmentation. Illustrative tables and charts support the conclusion that integration remains a key driver of growth and stability, but requires institutional renewal, digital and environmental harmonization, and compensation mechanisms for disadvantaged sectors.

Keywords: economic integration; globalization; regional trade agreements; protectionism; reglobalization; EU; ASEAN; RCEP; USMCA; MERCOSUR; EAEU; AfCFTA.

Введение

Интеграционные процессы в мировой экономике охватывают расширение и углубление экономических связей между странами, формирование торговых блоков и соглашений, направленных на сокращение барьеров в торговле, координацию политики и создание общих рынков. Эти процессы определяют современную структуру мировой торговли и финансов, оказывая сильное влияние на темпы экономического роста, уровень благосостояния и политическую стабильность. В последние 5–10 лет наблюдаются значительные изменения в характере экономической интеграции: региональные объединения переживают новые вызовы и трансформации, одновременно происходит переосмысление глобализации как таковой.

Основная часть

Теория экономической интеграции разрабатывалась на протяжении многих десятилетий. Классической основой служит работа Бэлы Балассы (Béla Balassa), выделившего последовательные этапы экономической интеграции:

1. Зона преференциальной торговли (РТА) – начальная форма интеграции, предполагающая снижение тарифов на определенные товары между странами.
2. Зона свободной торговли (ФТА) – полная отмена тарифов на товары внутри блока, при сохранении каждой страной своих внешних тарифов по отношению к третьим странам.
3. Таможенный союз – кроме отмены внутренних тарифов, страны вводят единый внешний тариф, проводя общую торговую политику по отношению к третьим странам.
4. Общий рынок – следующий шаг, предполагающий свободу перемещения не только товаров, но и факторов производства: услуг, капитала и рабочей силы между странами.
5. Экономический и валютный союз – введение общей валюты и единой монетарной политики (пример – еврозона внутри ЕС).
6. Полная экономическая интеграция – завершающая стадия, предполагающая формирование единого экономического пространства со сведением к минимуму национального суверенитета в экономической политике и созданием наднациональных институтов, вплоть до политического союза [1].

Вышеуказанные этапы – идеализированная модель, и реальные интеграционные объединения часто застревают на промежуточных стадиях или смешивают их элементы. Например, Европейский союз сегодня представляет собой экономический и (частично) валютный союз 27 стран, из которых 20 ввели общую валюту (евро), но при этом ЕС еще не является полностью политическим союзом. Другие региональные объединения (АСЕАН, МЕРКОСУР, ЕАЭС) находятся на более ранних этапах интеграции, ограничиваясь зонами свободной торговли или таможенными союзами.

Преимущества экономической интеграции:

- Рост торговли и эффективность: Устранение тарифных и нетарифных барьеров увеличивает объемы взаимной торговли. Компании получают доступ к более крупному рынку, что способствует росту объемов производства, конкуренции и повышению эффективности. Снижение издержек торговли ведет к расширению ассортимента товаров и услуг и снижению цен для потребителей. Согласно данным ВТО и исследований, снятие торговых барьеров и заключение соглашений способствуют росту ВВП и благосостояния за счет эффекта торговли (trade creation).

- Экономия от масштаба: Интегрированный рынок большего размера позволяет производителям достигать экономии за счет роста масштабов производства и специализации.

- Приток инвестиций: Большой связанный рынок более привлекателен для внешних и внутренних инвесторов, что стимулирует приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и развитие новых производств.

- Рынок труда: Свободное перемещение трудовых ресурсов дает работникам больше возможностей трудоустройства, а компаниям – больший выбор кадров, повышая занятость и способствуя трансферу навыков и технологий.

- Политическое сотрудничество и стабильность: Рост экономической взаимозависимости, как отмечал еще основоположник интеграции Жан Моне, создает прочные основы для мирного сотрудничества. Страны, связанные тесными торговыми и финансовыми узами, имеют стимулы решать конфликты за столом переговоров, а не силовым путем [2].

Издержки и сложности интеграции:

- Потеря суверенитета: Углубление интеграции требует от стран передачи части полномочий наднациональным органам. Например, членство в валютном союзе подразумевает отказ от самостоятельной денежно-кредитной политики. Это может вызывать неприятие у части общества и политических сил, озабоченных сохранением национального суверенитета.

- Неравномерное распределение выгод: Польза от интеграции может распределяться неравномерно между странами и внутри них. Более конкурентоспособные экономики получают

большой выигрыш, тогда как слабые отрасли могут пострадать от притока дешевых товаров из стран-партнеров (эффект *trade diversion* – *замещение торговли*, когда импорт переключается с более эффективных мировых производителей на менее эффективных партнеров по интеграции из-за отмены тарифов).

- Структурная перестройка и безработица: Открытие рынков усиливает конкуренцию, что может привести к закрытию неконкурентоспособных предприятий в менее развитых странах блока. В краткосрочном периоде это вызывает рост безработицы в некоторых секторах и регионах, требуя программ адаптации и поддержки.

- Политические трения: Интеграционные объединения требуют согласования позиций многих правительств. Различия в национальных интересах могут тормозить принятие решений (например, споры внутри МЕРКОСУР или ЕС по поводу торговых соглашений с третьими странами, миграционной политики и т.д.) [3].

Современные концепции интеграции также учитывают понятия глубокой интеграции супранационального управления. Появились новые формы интеграции: это глобальные цепочки добавленной стоимости (Global Value Chains, GVCs): интеграция происходит через производственные цепочки, связывающие компании разных стран. Даже без формальных соглашений транснациональные корпорации (ТНК) и торговля компонентами создали фактически интегрированную мировую производственную систему. А так же “Reglobalization” и инклюзивная интеграция это концепция, предлагаемая ВТО в докладе 2024 года – стимулировать повторную глобализацию, вовлекая больше стран и социальных групп в мировую торговлю.

. С одной стороны, сохраняется общая тенденция к росту мировой торговли и числа торговых соглашений, с другой – усиливаются геоэкономические разногласия и протекционизм, особенно обострившиеся в контексте пандемии COVID-19 и геополитических конфликтов (например, торговая война США–Китай, санкции против России, напряженность вокруг технологий). Эти факторы повлияли на интеграционные процессы, породив разговоры о “де-глобализации” или фрагментации мировой экономики [4].

Объем мировой торговли и глобализация: В 2021 году, несмотря на продолжавшуюся пандемию, объем мировой торговли товарами и услугами достиг рекордных \$28,5 трлн, превысив докризисный уровень 2019 г. на 13%. Это стало возможным благодаря восстановлению спроса, снятию карантинных ограничений и адаптации бизнеса к новым условиям. Однако уже в 2022 г. прогнозировалось замедление роста торговли из-за инфляционных давлений, логистических перебоев и роста цен на энергоносители.

В 2020 году мировой товарооборот упал на ~5-8% (по разным оценкам) – крупнейшее падение со времен мирового финансового кризиса. Это было краткосрочным шоком: в 2021 г. восстановление было стремительным (рост торговли на 25% к 2020 г.), но дисбалансы проявились в виде перегрузки портов, контейнерного кризиса и скачка транспортных тарифов.

Рис. 1 - Динамика мировой торговли товарами (синие столбцы) и услугами (красные столбцы) [5]

Количество интеграционных соглашений: По данным ВТО, на начало 2025 года в силе находится 373 региональных торговых соглашения (РТА). Это включает как двусторонние, так и многосторонние соглашения о свободной торговле, таможенные союзы и др., уведомленные и неупомянутые в ВТО. Число РТА неуклонно росло последние десятилетия (для сравнения: в 1990 г. их было менее 50, к 2010 г. – более 200).

Сдвиг в характере соглашений: если в 20 веке преобладали соглашения “Север–Юг” (между развитой и развивающейся страной), то сегодня большинство РТА заключаются между развивающимися экономиками (“Юг–Юг”). Это отражает возросшую роль крупнейших развивающихся стран (Китай, Индия, Бразилия и др.) и региональных инициатив между ними.

Глубина соглашений увеличивается: современные «мегасделки» охватывают не только тарифы, но и нетарифные меры, инвестиции, услуги, электронную коммерцию, стандарты, что требует сложной координации (пример – Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство, Соглашение США–Мексика–Канада и др.).

Итог: глобально интеграция остается мощной силой, но форма ее эволюционирует. Мир, вероятно, входит в фазу “реглобализации”, где акцент на более устойчивой и инклюзивной интеграции, распространении выгод на большее число стран и слоев населения. Для этого требуются усилия по поддержанию многосторонней торговой системы (роль ВТО), адаптации к новым вызовам (цифровизация, климат). Далее рассмотрим, как эти общие тенденции проявляются в разных регионах.

Так же в мировой экономике выделяется несколько крупных региональных интеграционных блоков, каждый со своими особенностями и динамикой развития за последние 5–10 лет.

Европейский Союз – наиболее продвинутое интеграционное объединение в мире, часто служащее моделью для других регионов. Имея 27 государств-членов, ЕС сочетает признаки общего рынка, экономического союза и (частично) валютного союза. Доля ЕС в мировом ВВП – около 17% (на 2024 год). Особенности последних лет:.

Brexit: Выход Великобритании из ЕС (реализован с 1 января 2021 года) стал беспрецедентным прецедентом “обратной” интеграции. Brexit краткосрочно затормозил торговлю между ЕС и Великобританией из-за введения таможенных процедур; в 2021 г. доля ЕС в торговле Британией снизилась (до ~47% импорта, с >50% ранее). Тем не менее, ЕС сохранил внутреннюю сплоченность, заключив с Великобританией Соглашение о торговле и сотрудничестве, минимизировавшее тарифные барьеры.

Торговая политика: ЕС продолжил заключать торговые соглашения с внешними партнерами. Заключены сделки с Японией (ЕРА, в силе с 2019 г.), Меркосур (политически согласована в 2019 г., но еще не ратифицирована, ожидается продвижение в 2024–2025 гг. несмотря на сопротивление некоторых стран ЕС по аграрным вопросам), обновлено соглашение с Мексикой, заключено с Великобританией. Санкционная политика 2022 г. против России и разрыв многих связей – новый фактор, влияющий на торговлю (Россия была значимым поставщиком энергоносителей в ЕС). ЕС ускорил поиск альтернативных партнеров (США, Африка) и инвестирует в энергетическую независимость.

Внутренняя торговля ЕС традиционно составляет большую часть торговли стран-членов. Средняя доля внутри-ЕС экспорта по ЕС – порядка 60–70% для большинства стран (меньше для крупных экономик, больше для малых и ориентированных на ЕС). Этот высокий уровень отражает глубокую интеграцию и взаимозависимость экономик блока. Для сравнения, на рис. ниже приведена доля внутривнутриблоковой торговли для ряда региональных объединений:

Рис. 2. Доля внутренней (внутриблоковой) торговли в общем объеме торговли для ряда регионов (оценка последних лет).

ЕС на графике лидирует, что ожидаемо – показатель интегрированности торговли самый высокий в мире. В 2021 г. большинство стран ЕС отгружали 50–75% своего экспорта в другие страны ЕС, а некоторые (Чехия, Словакия, страны Балтии) – свыше 75%. Это результат десятилетий снятия барьеров, единой политики и цепочек поставок, охватывающих весь континент (например, автомобильная промышленность ЕС имеет распределенное производство между Германией, Восточной Европой, Испанией и др.).

Несмотря на сложности (Brexit, долги, политические разногласия по миграции и пр.), ЕС демонстрирует устойчивость интеграционной модели. Кризисы 2020-х (пандемия, война в Украине) скорее усилили координацию внутри блока: созданы фонды поддержки, совместные закупки вакцин, согласованная санкционная политика. Впереди стоят вызовы расширения на Восток и “стратегической автономии” – ЕС стремится снизить критическую зависимость от внешних поставок (например, полупроводников, энергоносителей), запуская программы внутриблочного производства. Однако эти шаги – не демонтаж глобализации, а ее перенацеливание на более устойчивую, регионально устойчивую форму.

АСЕАН (10 стран, ~700 млн жителей, совокупный ВВП ~\$3,6 трлн) проводит политику экономической интеграции в рамках АСЕАН Economic Community (АЕС) с целью создания квази-общего рынка.

Реализован ряд этапов АЕС (свободная торговля товарами, частичная либерализация услуг и инвестиций). Средние тарифы внутри АСЕАН снижены до почти 0% для большинства товаров.

Однако АСЕАН не является таможенным союзом – у стран разные внешние тарифы, и степень унификации стандартов невысока. Поэтому интеграция АСЕАН скорее гибкая и межправительственная, без жестких наднациональных институтов (в отличие от ЕС).

Внутренняя торговля АСЕАН колеблется в районе 22–25% от общей торговли членов блока. Этот уровень сравнительно невысок; например, в 2000-е он был 25%, затем слегка снизился к 2010-м (с приходом Китая как главного партнера). Ключевой тренд: растущая взаимосвязь с Китаем. Китай – главный торговый партнер АСЕАН (двусторонний товарооборот превысил \$500 млрд), а АСЕАН в 2020-х обогнала ЕС, став крупнейшим партнером для Китая ([5]). Таким образом, интеграция АСЕАН частично “экспортируется” вовне – значительная часть торговли происходит с крупными соседями (Китай, Япония, США, ЕС).

АСЕАН выступила инициатором крупного регионального соглашения RCEP.

RCEP – крупнейшее в мире соглашение о свободной торговле, вступившее в силу 1 января 2022 года. Его участники: 10 стран АСЕАН + Китай, Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия (15 стран). Индия участвовала в переговорах, но вышла до подписания. RCEP охватывает 2,2 млрд населения и ~30% мирового ВВП (около \$26–30 трлн) – больше, чем любой другой торговый блок. Для сравнения, доля НАФТА (США-Канада-Мексика) – ~28% мирового ВВП, ЕС – ~17%, CPTPP – ~13%..

Эффект RCEP: ожидается усиление внутриазиатской торговли. Уже к 2023 г. внутриазиатская торговая интеграция достигла 57% (доля внутригрупповой торговли в общем объеме) ([51]) – второе место после ЕС. Рост от 54% до 57% в 2022 г. связан с развитием региональных производственных цепочек в Азии, особенно в промышленности и электронике. Около 2/3 торговли между азиатскими странами – это промежуточные товары (комплектующие) ([51]), что говорит о глубокой производственной специализации. RCEP упрощает эти цепочки (единые правила вместо “куска” соглашений).

Политическое значение RCEP – укрепление роли Китая и АСЕАН как центров региональной интеграции. Впервые Япония и Южная Корея, традиционно более ориентированные на США, вступили в соглашение вместе с Китаем. Это свидетельствует о многополярности экономической интеграции в Азии.

СРТРР (Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве) – включает 11 стран по обе стороны Тихого океана (без США, которые вышли). Изначально планировалось с участием США как противовес влиянию Китая, но после выхода США в 2017 г. оставшиеся страны заключили его в усеченном виде. СРТРР считается “золотым стандартом” нового поколения РТА, охватывая трудовые и экологические нормы, госзакупки, госсектор и т.п. В 2021–2023 гг. на вступление в СРТРР подали заявки Великобритания (присоединилась в 2023 г.), Китай, Тайвань, Юж.Корея и др., что показывает привлекательность блока.

АПЕК (Форум Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества, 21 экономика) – не соглашение, а форум, но он сформировал идеи и принципы “открытой регионализации”. Цель АТЭС – свободная торговля в АТР к 2040 г. (Богорские цели), однако юридически обязательных договоренностей нет.

Билатеральные соглашения: наряду с мегаблоками, страны АТР продолжают заключать двусторонние сделки (Япония с ЕС, Корея с США и ЕС, Китай – двусторонние соглашения с тихоокеанскими странами и пр.). В частности, в 2020–2022 КНР заключила соглашения с Маврикием, обновила с Перу, ведет переговоры с ЕФТА, рассматривает возможность сделки с МЕРКОСУР [6].

Тенденции Азии: регион движется к сложной сети интеграции (“spaghetti bowl” соглашений). Интеграция усиливается, но без единого наднационального центра (роль АСЕАН скорее координационная). Проблемы – геополитика (соперничество Китая, Индии, Японии, США; риск конфликта в Тайваньском проливе), разный уровень развития стран (Сингапур vs Мьянма) и традиционный акцент на национальном суверенитете. Тем не менее, экономическая логика подталкивает к большей связанности: Азия – огромный рынок с растущим средним классом, и страны стремятся воспользоваться преимуществами соседства.

Северная Америка (США, Канада, Мексика) с 1994 г. объединена Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА). В 2020 г. после перезаключения вступило в силу обновленное Соглашение США–Мексика–Канада (USMCA/AEUMC), отразившее:

- Обновление правил (включены новые главы по электронной торговле, интеллектуальной собственности, трудовым стандартам – например, требования по оплате труда автопрома в Мексике).

В целом, интеграция на постсоветском пространстве продвигается медленнее запланированного. Политические мотивы иногда опережают экономические (как в случае союзных программ). Тем не менее, географическая близость и исторические связи поддерживают определенный уровень интеграции. ЕАЭС, хотя уступает ЕС или RCEP по влиянию, является важной частью мировой интеграционной мозаики, особенно учитывая ресурсный вес (крупнейший производитель нефти и газа совокупно).

Африка традиционно имела низкий уровень внутриконтинентальной торговли и фрагментированность экономик, унаследованную от колониальной эпохи. Однако в 2018 г. был запущен проект Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA), которая, охватывает 54 из 55 стран Африки (все, кроме Эритреи пока) – крупнейшее по числу участников торговое соглашение в мире.

Совокупный ВВП Африки ~\$3,4 трлн, население 1,3 млрд человек. Если полностью реализована, AfCFTA сформирует рынок, сопоставимый с крупными мировыми экономиками (ок. 5-е место в мире по ВВП) [7].

С 1 января 2021 г. началась фаза торговли по AfCFTA, но реально внедрение будет постепенным до 2030-х. Страны договорились сократить 90% тарифных линий, облегчить торговые процедуры, однако инфраструктурные и таможенные барьеры огромны.

Это необходимо для того, что бы увеличить внутриафриканскую торговлю, которая сейчас всего ~16% от общего объема экспорта Африки. Для сравнения, Африка торгует на 60% с остальным миром, особенно с Европой, Китаем, США. Такой низкий уровень внутренней торговли обусловлен специализацией на сырье (африканские страны продают нефть, полезные ископаемые, сельхозсырье за пределы континента, а импортируют промышленные товары). Между собой им часто нечем торговать – экономики конкурентны, а не комплементарны.

По оценкам Всемирного банка, полная реализация AfCFTA может увеличить внутреннюю торговлю на ~50% к 2030 г., повысить экспорт Африки за пределы на ~32%, поднять доходы, вывести десятки миллионов из бедности. *Ключевое условие* – инвестиции в инфраструктуру: удешевление транспорта, цифровизации, энергетики. Сейчас торговые затраты в Африке на 50% выше мировых, во многом из-за слабой инфраструктуры и бюрократии.

AfCFTA – стратегический проект, способный в долгосрочной перспективе превратить Африку из поставщика сырья в более интегрированную производственную площадку. Международные партнеры (ЕС, Китай, США) поддерживают инициативы по его реализации, видя в этом и рынок, и способ снизить бедность (что может уменьшить миграционное давление и нестабильность).

Политические конфликты (несколько текущих войн и кризисов – в Сахеле, Эфиопия/Эритрея, нестабильность в Центральной Африке) мешают установлению нормальной торговли на части континента.

Бедность и неравенство: многие страны слаборазвиты (ВВП на душу в десятки раз ниже развитых стран), необходимо время и инвестиции, чтобы интеграция принесла ощутимые выгоды широким слоям.

В целом, региональные интеграционные процессы в мире очень неоднородны: от высокоинституционализированных (ЕС) до зарождающихся (AfCFTA), от динамично растущих (RCEP) до стагнирующих (некоторые латиноамериканские блоки). Каждое объединение движется в своем темпе, отражая экономические структуры и политическую волю участников [9].

Интеграционные процессы – динамичное явление, реагирующее на изменения в технологиях, политике и обществе. Мировая экономика сегодня гораздо более интегрирована, чем 50 лет назад, и, вероятно, останется таковой, хотя характер интеграции будет трансформироваться. На повестке дня – обеспечение того, чтобы интеграция была взаимовыгодной, устойчивой и справедливой, а возникающие проблемы решались путем диалога и совместных реформ, а не возвратом к экономическому национализму. Научный и аналитический подход к изучению этих процессов, подкрепленный статистикой и примерами, помогает лучше понять, как эффективно развивать интеграцию в будущем во благо всех участников мировой экономики.

Список литературы

1. Our World in Data. *Trade and Globalization*. – 2023. (Источники данных по историческому росту мировой торговли и роли торговых соглашений). – URL: <https://ourworldindata.org/trade-and-globalization> (дата обращения: 10.09.2025).
2. World Trade Organization (WTO). *World Trade Report 2023: Re-globalization for a Secure, Inclusive and Sustainable Future*. – 2023. (Флагманский доклад ВТО об интеграции и признаках фрагментации; цитируется идея «реглобализации»). – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_trade_report23_e.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
3. Cho, S., & Gambarini, S. *Trade Routes Realigned: From Integration to Fragmentation*. – Goldman Sachs, 2024. (Аналитический обзор: после пика глобализации 2008 г. мир входит в фазу фрагментации; эффект reshoring). – URL: <https://am.gs.com/en-us/institutions/insights/article/2024/trade-routes-realigned-from-integration-to-fragmentation> (дата обращения: 10.09.2025).
4. UNCTAD. *Global trade hits record high of \$28.5 trillion in 2021, but likely to be subdued in 2022*. – 17.02.2022. (Пресс-релиз: мировой объём торговли в 2021 г. достиг рекорда \$28,5 трлн; прогноз замедления на 2022 г.). – URL: <https://unctad.org/news/global-trade-hits-record-high-285-trillion-2021-likely-be-subdued-2022> (дата обращения: 10.09.2025).
5. McKinsey Global Institute. *Asia: The Epicenter of Global Trade Shifts*. – 03.09.2024. (Статья о тенденциях торговли в Азии: доля внутриазиатской торговли выросла до 57% в 2022 г.). – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/asia-the-epicenter-of-global-trade-shifts> (дата обращения: 10.09.2025).
6. Investopedia. *Economic Integration Definition and Real World Example*. – Без года. (Объяснение этапов экономической интеграции – семь стадий и их характеристики). – URL: <https://www.investopedia.com/terms/e/economic-integration.asp> (дата обращения: 10.09.2025).
7. Council on Foreign Relations (CFR). *Mercosur: South America's Fractious Trade Bloc*. – 2023. (Обзор МЕРКОСУР: история, текущее состояние, ВВП ~\$3 трлн, сделка с ЕС в 2024 г., проблемы интеграции). – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/mercosur-south-americas-fractious-trade-bloc> (дата обращения: 10.09.2025).
8. Interfax. *Mutual trade between EAEU states almost doubled in 2015–2022 – report*. – 07.08.2023. (Данные по ЕАЭС: взаимная торговля выросла на 87% с 2015 по 2022 г., до \$83,3 млрд; 89% расчётов в нацвалютах к 2023 г.). – URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/93956/> (дата обращения: 10.09.2025).
9. World Bank. *The African Continental Free Trade Area*. – 2020. (Официальный обзор AfCFTA: охват 55 стран, совокупный ВВП \$3,4 трлн, потенциал вывода 30 млн человек из бедности). – URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade/publication/the-african-continental-free-trade-area> (дата обращения: 10.09.2025).
10. UNCTAD. *Africa's \$3.4 Trillion Opportunity: Turning Vulnerabilities into Resilience*. – 2024. (Доклад о развитии Африки: внутриконтинентальная торговля составляет лишь 16% экспорта; акцент на реализации AfCFTA). – URL: <https://unctad.org/publication/africas-34-trillion-opportunity-turning-vulnerabilities-resilience> (дата обращения: 10.09.2025).

References

1. Our World in Data. (2023). *Trade and Globalization*. Data sources on the historical growth of global trade and the role of trade agreements. Retrieved from <https://ourworldindata.org/trade-and-globalization> (Accessed: September 10, 2025).
2. World Trade Organization (WTO). (2023). *World Trade Report 2023: Reglobalization for a Secure, Inclusive and Sustainable Future*. The flagship WTO report on integration and fragmentation, introducing the concept of “reglobalization.” Retrieved from https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_trade_report23_e.pdf (Accessed: September 10, 2025).
3. Cho, S., & Gambarini, S. (2024). *Trade Routes Realigned: From Integration to Fragmentation*. Goldman Sachs Asset Management. Analytical report discussing post-2008 globalization fragmentation and the reshoring effect. Retrieved from <https://am.gs.com/en-us/institutions/insights/article/2024/trade-routes-realigned-from-integration-to-fragmentation> (Accessed: September 10, 2025).
4. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). (2022, February 17). *Global trade hits record high of \$28.5 trillion in 2021, but likely to be subdued in 2022*. Press release reporting record global trade value in 2021 and forecasted slowdown in 2022. Retrieved from <https://unctad.org/news/global-trade-hits-record-high-285-trillion-2021-likely-be-subdued-2022> (Accessed: September 10, 2025).
5. McKinsey Global Institute. (2024, September 3). *Asia: The Epicenter of Global Trade Shifts*. Analytical article on Asian trade trends showing intra-Asian trade share growth to 57% by 2022. Retrieved from <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/asia-the-epicenter-of-global-trade-shifts> (Accessed: September 10, 2025).
6. Investopedia. (n.d.). *Economic Integration Definition and Real World Example*. Explanation of the seven stages of economic integration and their characteristics. Retrieved from <https://www.investopedia.com/terms/e/economic-integration.asp> (Accessed: September 10, 2025).
7. Council on Foreign Relations (CFR). (2023). *Mercosur: South America's Fractious Trade Bloc*. Overview of Mercosur: history, current state, GDP (~\$3 trillion), EU trade deal (2024), and integration challenges. Retrieved from <https://www.cfr.org/background/mercotur-south-americas-fractious-trade-bloc> (Accessed: September 10, 2025).
8. Interfax. (2023, August 7). *Mutual trade between EAEU states almost doubled in 2015–2022 – report*. Data on EAEU trade: mutual turnover up 87% from 2015 to 2022 (\$83.3 billion), with 89% of settlements in national currencies by 2023. Retrieved from <https://interfax.com/newsroom/top-stories/93956/> (Accessed: September 10, 2025).
9. World Bank. (2020). *The African Continental Free Trade Area*. Official overview of AfCFTA: covers 55 countries, \$3.4 trillion combined GDP, potential to lift 30 million people out of poverty. Retrieved from <https://www.worldbank.org/en/topic/trade/publication/the-african-continental-free-trade-area> (Accessed: September 10, 2025).
10. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). (2024). *Africa's \$3.4 Trillion Opportunity: Turning Vulnerabilities into Resilience*. Report on Africa's development: intra-continental trade at 16% of exports; emphasis on AfCFTA implementation. Retrieved from <https://unctad.org/publication/africas-34-trillion-opportunity-turning-vulnerabilities-resilience> (Accessed: September 10, 2025).

Информация об авторах

Самарина Мария Владимировна - к. э. н., доцент, доцент кафедры «Экономики и управления на железнодорожном транспорте», Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, e-mail: samarina-mashenka@mail.ru

Душутин Максим Васильевич – студент группы Т.1-24-2, факультета «Экономика и управление», Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, e-mail: Max.dushtin@yandex.ru

Authors

Samarina Maria Vladimirovna - PhD in Economics, the Department of Finance and Accounting State Transport University, Irkutsk, e-mail: samarina-mashenka@mail.ru

Dushutin Maksim Vasilyevich is a student of group T.1-24-2 , Faculty of Economics and Management, Irkutsk State University of Railway Transport